

После вчерашнего инцидента со шпаргалкой школьная администрация закрутила гайки. Контроль на экзаменах стал драконовским: даже в 21-м классе — традиционном пристанище отстающих технарей — никто не смел и словом перемолвиться, хотя до звонка оставалось меньше пяти минут.

Те, кто планировал выспаться, честно ждали сигнала, и только Цюй Цзайян с Чэн Нанем иступленно скрипели перьями. Ловя время за хвост, они пытались дожать последние, самые сомнительные задачи по физике из комплексного теста.

Когда раздался звонок, учитель велел всем встать и выходить по рядам, забрав с собой только ручки. Цюй Цзайян выпрямился, разминая затекшую шею, и больше не взглянул на свой бланк. Лишь когда преподаватель забрал работу, он передал парню распоряжение: после экзамена зайти на четвертый этаж в кабинет к Братцу-монаху.

Чэн Нань, по-приятельски обхватив его за шею, дошел с ним до места. Еще не дойдя до двери, они услышали доносящиеся изнутри голоса. Чэн Нань заглянул в щель, тут же отпрянул, оттащил друга в сторону и, прижав палец к губам, прошептал:

— Погоди, не заходи. Давай послушаем, что они там трут.

— Большой ты человек, — Цюй Цзайян закатил глаза, но всё же пригнулся вместе с ним.

Приятели замерли в коридоре, вытянув шеи и прижавшись ушами к окну.

В кабинете Чжан И стоял, низко опустив голову и нервно теребя швы на брюках. Вчерашняя встряска выбила из него остатки спеси — осталась лишь пустая, трусливая оболочка. Сейчас перед ним сидел целый ряд учителей, которые в свете потолочных ламп на фоне темнеющего за окном неба казались суровыми судьями из преисподней.

А за спиной, неведомо когда появившись, застыл Ли Гэнчэнь. Его жгучий взгляд буквально сверлил затылок Чжан И: стоило тому хоть на йоту соврать, и «Бог учёбы» наверняка превратился бы в льва, готового проглотить его целиком.

— Я... на самом деле эта записка была для Ду Цзэ, — пролепетал Чжан И, не поднимая глаз. — Он меня сбил, не давал... В общем, я сдуру решил проявить пацанскую солидарность и подставил Цюй Цзайяна.

Договорив, он украдкой глянул на стоящего рядом поделника.

— Ты?! — Ду Цзэ явно не ожидал от него такого стремительного предательства.

Вторая матушка Гао, услышав это, буквально подскочила на стуле. Она бесцеремонно оттолкнула Лао Му и нависла над парнями:

— Что ты несешь? Ты говоришь правду? А ну, отвечай! Тебя Цюй Цзайян подкараулил? Избил? Угрожал вам, чтобы вы показания сменили?

— Не бойтесь, — она вцепилась в плечи Чжан И, сверкая фанатичным огнем в глазах. — Рассказывайте всё как есть, я вас в обиду не дам. Не надо бояться этого отброса, он вам ничего не сделает!

Чжан И испуганно заерзал. Взгляд Ли Гэнчэня за его спиной стал еще острее, и парень отчаянно затряс головой:

— Да нет же, учитель, честное слово! Цюй Цзайян тут ни при чем, он вообще ничего не делал. Это я хотел кинуть бумажку Ду Цзэ, да промахнулся — она к нему на стол упала.

Видя, что от этого толка не добиться, Вторая матушка Гао переключилась на Ду Цзэ.

— А ты говори! — наседала она. — Кому он собирался передать шпаргалку?

— Я... — Ду Цзэ, встретившись с ее налитыми кровью глазами, в ужасе отвернулся. Его взгляд упал на Ли Гэнчэня, который стоял у двери и невозмутимо вертел в руках флешку. Парня пробрал озноб. — Правда. Это мне. Он мне её кидал.

— Как это? — руки Второй матушки Гао бессильно соскользнули с его плеч. Она рухнула обратно на стул.

Неужели она ошиблась? Неужели действительно зря обвинила Цюй Цзайяна?

— Нет... Не верю, не может быть, — забормотала она, качая головой. — Наверняка он вас запугал. Он же три года во Второй средней школе как танк пер, наглец, каких поискать! Такой на что угодно пойдет, чтобы прикрыться!

— Учитель Гао! — Му Цинфэн не выдержал. Его до глубины души возмутило, как педагог может питать к ученику столь неприкрытую, закоренелую неприязнь.

Директор параллели тоже встал и, похлопав Лао Му по плечу, знаком велел ему успокоиться.

В этот момент дверь с негромким скрипом распахнулась.

Цюй Цзайян, скрестив руки на груди, застыл на пороге. Рядом маячил Чэн Нань.

— Раз уж вы обсуждаете это дело, — холодно осведомился Цзайян, — что же меня не подождали?

Брат-монах хмыкнул. Ишь, явился под конец, да еще и обвиняет!

— Раз пришел, слушай: всё уже прояснилось. Но чтобы окончательно подтвердить твой уровень, я подготовил вариант «Б» той же сложности. Решишь?

Лао Му опешил. Они об этом не договаривались.

— Директор, но ведь...

— Пойдет. Прямо сейчас? — отозвался Цзайян.

— Даю полчаса. Решишь последние две задачи в тестах и две последние в развернутой части. Всё делать не нужно. Идет?

Ли Гэнчэнь шагнул к другу, намереваясь что-то сказать, но Цюй Цзайян его перебил:

— Ладно. Только дайте пять минут — приспичило.

— Жду через пять минут в кабинете психологической разгрузки, — улыбнулся Директор, собирая бумаги.

Цюй Цзайян молча прошел мимо Ли Гэнчэня. Тот бросился было следом, но парня и след простыл. Навстречу ему вышел Чэн Нань:

— Да не парься ты, Бог учёбы. «Вторая мама» просто... живот не железный, не дотерпел бы.

— Неужели? — Ли Гэнчэнь спрятал беспокойство. Ему всё чаще казалось, что с его соседом по парте что-то не так.

Тем временем Цюй Цзайян, который, по версии Чэн Наня, должен был находиться в уборной, вернулся в кабинет первого класса. Он достал из стола папку, которую ему передал Хуэй-гэ. Семь или восемь листов формата А4: половину он рассовал по карманам, остальные зажал в кулаке.

Экзамены закончились, и здание почти опустело. Лишь редкие ученики, живущие в общежитии, не спеша собирали вещи.

Цюй Цзайян подошел к информационному стенду перед корпусом старшеклассников. Он долго смотрел на плотные ряды текста, и перед глазами невольно всплыла сцена после того самого проверочного экзамена, когда его работу выставили на всеобщее посмешище.

Голоса тех, кто издевался над ним, всё еще звенели в ушах. Цзайян слушал их — снова и снова, — пока лист за листом наклеивал свои материалы поверх официальных объявлений.

***

Получасовой тест пролетел незаметно. Ли Гэнчэнь честно ждал в коридоре; Чэн Наня он уже успел спровадить домой, подкупив парой своих авторских методичек по подготовке к экзаменам.

Под пристальными взглядами Лао Му и Братца-монаха — а также под прицелом скрытых камер — Цюй Цзайян разделался с задачами.

Когда он отложил ручку, Директор указал на последний пункт:

— Что, этот подвопрос не дался?

— Решил интуитивно, — кивнул Цзайян. — Сосед говорит, мне пока не хватает базы, чтобы его честно рассчитать.

Лао Му усмехнулся:

— Ну, в этом он прав.

Цюй Цзайян поднялся, вытащил из папки ту самую стопку листов и вложил её между своим бланком и черновиком.

— Теперь я могу идти?

— Свободен, — великодушно махнул рукой Директор.

— Погодите! Это еще что такое... — Лао Му нахмурился, вчитываясь в бумаги. Братец-монах склонился рядом и через секунду буквально остолбенел.

— Цюй Цзайян! Ты что творишь?!

Парень уже стоял в дверях, небрежно закинув рюкзак на одно плечо.

— А, это... Сами разберетесь, — бросил он, оборачиваясь.

Ли Гэнчэнь подошел, собираясь забрать у него рюкзак, но Цзайян, словно специально решив

довести учителей до инфаркта, добавил:

— Чуть не забыл: на стенде объявлений я приклеил копию.

— Что?!

— А ну вернись! Цюй Цзайян! Объяснись немедленно!

Цзайян не выдержал и расхохотался. Пока Директор не опомнился и не бросился в погоню, он схватил Ли Гэнчэня за запястье и потащил к лестнице:

— Бежим, скорее!

Братец-монах закипел. Он выскочил из кабинета, пробежал полкоридора, но Лао Му успел поймать его и оттащить назад.

Ли Гэнчэнь, которого уволокли во двор, перевел дух и подошел к тому самому стенду. Пробежав глазами текст, он замер в изумлении:

— Как... Откуда у тебя это?

На первом листе было подробно расписано: Вторая матушка Гао за семь-восемь лет работы, едва став классным руководителем, начала наживаться на учениках. Она принуждала их покупать определенные учебные пособия, получая откаты, и через всяческие намеки вымогала подарки у родителей.

Остальные страницы были забиты доказательствами: чеки, свидетельства, переписки. Если всё это правда, то карьере Второй матушки Гао пришел конец.

Цюй Цзайян пожал плечами:

— Попросил нужных людей, они помогли.

— Но ты хоть понимаешь, насколько это серьезно? — Ли Гэнчэнь встревожился. — Вывесить такое без разбору... Если хоть капля окажется ложью, она засудит тебя за клевету!

— Мне плевать! — Цюй Цзайян вцепился в его руку, и в его взгляде на миг промелькнула старая обида. — Когда был тот проверочный экзамен, она выставила мой позор на всеобщее обозрение. Я просто возвращаю ей должок — пусть сама распробует, каково это.

Ли Гэнчэнь посмотрел на него. Цзайян стоял совсем рядом: лицо сердитое, щеки раздуты, на

голове вихор торчит — воинственный и растрепанный. Глядя на его опущенные ресницы, Ли Гэнчэнь почувствовал, как сердце предательски тает.

— Ладно, пусть висит, — вздохнул он. Про себя он решил, что по возвращении домой нужно будет срочно проштудировать юридическую литературу. Если Вторая матушка Гао и вправду во всём этом замешана, ему понадобятся веские аргументы, чтобы защитить этого сорванца.

— Пошли есть, я умираю с голоду, — Цзайян бросил последний победный взгляд на стенд и потянул друга за собой.

Ли Гэнчэнь понял, что флешка в его кармане ему, скорее всего, больше не понадобится.

***

Последовал вечер заслуженного отдыха. Поскольку на завтра был понедельник, учителя не стали задавать домашку. Цюй Цзайян успел прорешать два теста и завалился спать, совершенно не заботясь о том, какую бомбу он заложил под фундамент школы.

Форумы и закрытые чаты гудели всю ночь. В понедельник все приперлись в школу ни свет ни заря — каждому не терпелось стать свидетелем грандиозного скандала. В это утро не было ни одного опоздавшего.

Чэн Нань, придя в класс, впитывал подробности от одноклассников, и его картина мира трещала по швам. Он и подумать не мог, что Цюй Цзайян способен на такую многоходовочку. Обычно тот предпочитал бить в лоб на месте, а тут — зашел с тыла и выбил почву из-под ног.

Подкараулив друга у ворот, Чэн Нань буквально повис на нем:

— Вторая мама, ну ты и зверь! Красава!

— Слушай, а правда, что та мегера какого-то пацана до самоубийства довела? — продолжал он, пока они поднимались по лестнице. — Это же уже мокруха чистой воды!

— Чего? — Цюй Цзайян замер. — Какое еще самоубийство?

В тех документах, что он получил, про это не было ни слова.

Пока Чэн Нань пересказывал сплетни, его внимание привлек «крутой парень» из спортивного класса, который как раз поднимался по лестнице.

— Вторая мама, слушай, я всегда думал, что в спортклассе одни позеры, но тот чувак,

оказывается, вполне себе человек.

— О ком ты?

Чэн Нань опешил. Как это Цюй Цзайян, главный герой пьесы, узнает всё последним? Роеет яму и даже не смотрит, кто в нее падает?

— Да он вчера, пока нас не было, за тебя перед Братцем-монахом вписался. Сказал, что сидел перед тобой и весь экзамен чувствовал, как ты там корячишься над задачами, скрипишь чем-то. Мол, не слышал, чтобы ты с кем-то шептался... Короче, подтвердил, что ты не списывал.

Цюй Цзайян убрал руку Чэн Наня со своего плеча, буркнул «понял» и скрылся в классе.

На уроке он сидел тише воды, засунув голову в рюкзак и о чем-то напряженно размышляя. Ли Гэнчэнь, дорешав спецвариант от Лао Му, заметил, что сосед пребывает в этом странном состоянии уже минут двадцать.

Он легонько ткнул его локтем:

— Ты чего там застрял?

— А? — Цзайян дернулся, вскинул голову и с глухим стуком приложился лбом о край парты.

Ли Гэнчэнь посмотрел на его мученическую мину, отвернулся и не выдержал — прыснул от смеха.

Цюй Цзайян покосился на него, увидел предательские ямочки на щеках и засунул обратно в рюкзак постер, который уже наполовину вытащил.

Вообще-то он хотел подарить это соседу — постер с автографом Коби Брайанта. Он еще сомневался, не слишком ли обидно будет другу, если он отдаст такую ценность тому парню из спорткласса.

Но теперь сомнения отпали. Отдать постер «крутому» — единственно верное решение.

Ли Гэнчэнь никогда не узнает, какой шанс он только что упустил.

На перемене Цюй Цзайян, сжимая в руках свернутый плакат, направился к выходу. Заметив взгляд Ли Гэнчэня, он обернулся и демонстративно показал ему язык:

— Вот и локти кусай теперь!

Ли Гэнчэнь только и смог, что недоуменно захлопать глазами.

...

— Ты меня искал? — «крутого парня», который решил прогулять урок и завалился поспать на стадионе, растолкали. Он поднялся и с удивлением уставился на Цюй Цзайяна.

Тот протянул ему тубус с плакатом:

— Слышал, ты вчера за меня замолвил словечко перед Директором. Я долгов не оставляю.

Парень глянул на постер и усмехнулся:

— Да брось, не надо. Я просто ту женщину терпеть не могу, тебе помогать не собирался.

Цюй Цзайяну было лень пускаться в дискуссии. Он просто схватил парня за край формы и силой запихнул плакат ему за пазуху:

— Плевать, что там у тебя в голове. Считай, что квиты.

«Крутой» посмотрел вслед уходящему школьному заправиле и покачал головой. Наглец — он и в Африке наглец.

Цюй Цзайян уже выходил со стадиона, собираясь вернуться в класс к Ли Гэнчэню, когда его внезапно схватила чья-то женская рука. Не успел он обернуться, как на его левую щеку нацелился сокрушительный удар — ладонью ударили прямо в лицо.

<http://bllate.org/book/17542/1704789>